

A movie poster featuring a woman in a white dress sitting on a balcony with a man in a suit in the background. The setting is a luxurious resort with a swimming pool and snow-capped mountains in the distance. The title is written in large, ornate gold letters, and the subtitle is in blue letters below it.

Диана Фурсова

После
развода
Курорт для бывшей герцогини

Диана Фурсова

**После развода. Курорт
для бывшей герцогини**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

После развода. Курорт для бывшей герцогини / Д. Фурсова —
«Литнет», 2026

В день пятнадцатой годовщины муж усадил другую женщину на её место и объявил о разводе. Кайден был уверен, что Эстелия возьмёт содержание, маленький городской дом и тихо исчезнет из его жизни. Вместо этого она потребовала «Семь облаков» — заброшенный горный курорт, который семья бывшего мужа давно считала бесполезной развалиной. Теперь у Эстелии есть тридцать дней, чтобы доказать короне, что владение ещё можно спасти. В её распоряжении — несколько пригодных комнат, четверо оставшихся работников, один действующий горячий источник из семи и дворец, который буквально рассыпается вокруг неё. А ещё — королевский ревизор Рейнар Кальдэн. Холодный, наблюдательный и слишком уверенный, что бывшая герцогиня не продержится здесь и месяца. Но стоит «Семи облакам» снова начать приносить деньги, как за ненужным вчера имением внезапно выстраивается очередь желающих. Бывший муж требует вернуть его обратно. Старые документы скрывают тайну горного владения. А один за другим начинают просыпаться источники, молчавшие десятилетиями. Эстелия больше не собирается быть удобной женой и жить под чужой фамилией. Теперь у неё есть собственное дело, собственное имя и мужчина, который не собирается её спасать — зато готов однажды встать рядом. Если, конечно, она сама его выберет.

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Развод вместо годовщины	5
Глава 2. Тридцать дней до закрытия	24
Глава 3. Первые гости «Семи облаков»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1. Развод вместо годовщины

Эстелия поняла, что муж собирается разрушить их брак, в тот момент, когда увидела на своём месте чужую женщину.

Не рядом с Кайденом, не среди приглашённых и даже не напротив него, что уже было бы достаточно дерзко. Велисса Астэрн сидела справа от герцога Марвейра, на месте хозяйки дома, под вышитым серебром гербом семьи, и спокойно держала в пальцах бокал, который пятнадцать лет ставили перед Эстелией.

Слуги прекрасно знали, кому принадлежало это кресло.

Кайден тоже.

Именно поэтому Эстелия не остановилась в дверях, не потребовала объяснений и не доставила мужу удовольствия увидеть её растерянность.

Она вошла в парадную столовую так, словно ничего необычного не происходило.

За длинным столом сидели двадцать четыре человека. Двоюродные родственники Кайдена, несколько соседей по столичным владениям, глава торговой палаты с супругой, два придворных чиновника, которых Эстелия лично приглашала ещё две недели назад, и семейный поверенный Марвейров господин Ласнер.

Последний оказался здесь совсем некстати для празднования годовщины.

Зато весьма кстати для развода.

Эстелия отметила это почти без удивления.

Пятнадцать лет брака научили её замечать детали, которые Кайден считал незначительными.

Она сама составляла список гостей на сегодняшний вечер. Господина Ласнера в нём не было.

Как не было и Велиссы Астэрн.

Музыканты в дальней галерее продолжали играть лёгкую мелодию. По залу плыл запах горячего хлеба, печёных яблок и пряностей. В серебряных подсвечниках горели десятки свечей, отражаясь в высоких окнах, за которыми столицу уже накрывали ранние зимние сумерки.

Всё выглядело именно так, как Эстелия задумала.

За исключением одного.

Годовщину её брака собирались праздновать без неё.

— Мы уже начали, Эстелия, — произнёс Кайден.

Он не поднялся.

Когда-то он вставал всякий раз, когда она входила в комнату. Не из придворной вежливости, а потому, что ему нравилось встречать её первым.

Эстелия вдруг вспомнила это с такой отчётливостью, что сама удивилась. Перед глазами возник молодой мужчина в форме королевской гвардии, смеющийся над чем-то совершенно пустяковым, пока дождь барабанит по стеклянной крыше зимнего сада.

Тот Кайден исчезал постепенно.

Наверное, поэтому она не заметила точного момента, когда рядом остался другой.

— Я вижу. На западной дороге перевернулась карета, пришлось объезжать через Рыночную площадь. Семь минут, Кайден.

Несколько гостей опустили глаза.

Велисса улыбнулась.

Она была красива именно той яркой красотой, которая прекрасно смотрелась в переполненных залах: золотистые волосы, безупречно уложенные над тонкими плечами, светлая кожа, тёмно-зелёное платье, подчёркивающее фигуру, и драгоценности, слишком дорогие для незамужней дочери небогатого барона.

Эстелия узнала серьги.

Она сама заказывала их у мастера прошлой весной в подарок младшей сестре Кайдена, но потом заказ пришлось отменить из-за изменения семейных расходов.

Значит, не отменили.

Просто изменили получательницу.

Это почему-то оказалось неприятнее, чем чужая женщина в её кресле.

Не из-за стоимости.

Из-за мелочности.

— Я велел подавать. Не держать же гостей голодными.

— Конечно. Сегодня это было бы особенно невежливо.

Свободное место оставалось на дальнем конце стола.

Рядом с вдовой двоюродного дяди, которая уже трижды делала вид, что поправляет салфетку, лишь бы не встречаться с Эстелией взглядом.

Сесть туда означало согласиться со спектаклем.

Уйти означало подарить Кайдену ещё более красивую сцену.

Эстелия выбрала третье.

Она подошла к ближайшему слуге.

— Матиас, принесите кресло.

Молодой лакей едва заметно побледнел.

— Куда поставить, ваша светлость?

— Пока принесите, Матиас. Обычное, из гостиной.

Кайден нахмурился.

— Эстелия.

Она посмотрела на него.

— Что? Мне ведь тоже нужно сесть.

Вероятно, он ожидал обвинения. Или вопроса. Или хотя бы возмущения.

Эстелия не собиралась облегчать ему задачу.

Матиас принёс кресло из соседней гостиной. Эстелия указала место между двумя торцами стола, достаточно близко, чтобы участвовать в разговоре, но не занимая ничьей стороны.

Получилось почти символично.

Больше она не сидела рядом с мужем.

Но и место, отведённое ей после него, принимать не собиралась.

Когда она устроилась, возникла неловкая тишина.

Эстелия положила салфетку на колени.

— Ешьте, пожалуйста. Я чуть не поссорилась с поваром из-за этого меню — обидно будет, если всё остынет.

Кто-то нервно усмехнулся.

Главный повар, если бы услышал, наверняка возмутился бы. Спор длился три дня, а не неделю.

Но гостям стало чуть легче.

Кайдену — нет.

Он смотрел на неё внимательно, и Эстелия впервые позволила себе рассмотреть мужа так, словно они были незнакомы.

В сорок три года Кайден Марвейр оставался мужчиной, которого замечали в любой комнате. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, в которых только у висков появилась первая седина, и привычкой смотреть на собеседника чуть дольше, чем требовала вежливость.

Этой привычкой он когда-то покориł её.

Позже она поняла, что Кайден просто любил, когда люди начинали нервничать первыми.

Сегодня нервничать он собирался заставить её.

— Я собирался поговорить с тобой после ужина, — произнёс он.

— Можем дождаться десерта.

— Теперь уж какой смысл откладывать.

Велисса чуть повернула голову.

Эстелия заметила, что пальцы женщины крепче стиснули ножку бокала.

Значит, нервничала всё-таки не только она.

— В таком случае говори сейчас, — сказала Эстелия.

Кайден перевёл взгляд на гостей.

— Прошу простить. Это семейное дело, но раз уж все здесь...

Это было почти смешно.

Если он действительно хотел семейного разговора, в зале не сидели бы два десятка свидетелей и поверенный.

Эстелия не стала спорить.

— Да, все здесь. Я слушаю.

— Наш брак себя исчерпал.

Госпожа Торвин уронила вилку.

Звук получился неожиданно громким.

Музыканты продолжали играть, не подозревая, что сопровождали конец герцогского брака.

Эстелия смотрела на мужа.

Слова были ожидаемыми.

И всё же между ожиданием удара и самим ударом всегда оставалась разница.

Она почувствовала не боль даже, а странное внутреннее опустошение, будто кто-то открыл дверь в комнате, где долгие годы горел камин, и внезапно выпустил наружу всё тепло.

Пятнадцать лет.

Она знала, что Кайден не любит её прежней любовью. Вероятно, давно.

Но между «знать» и «услышать вслух» пролежала пропасть.

Эстелия не позволила себе заглянуть туда сейчас.

Потом.

Когда рядом не будет двадцати четырёх человек.

— Я тебя услышала, — сказала она.

В бровях Кайдена мелькнуло движение.

Вот этого он не ожидал.

— Вот так? И ты понимаешь, о чём я?

— Не нужно повторять.

— Тогда давай обойдёмся без тяжёлых объяснений.

Эстелия чуть наклонила голову.

— Тебе тяжело, Кайден?

Несколько человек за столом внезапно очень заинтересовались своими тарелками.

Кайден взял бокал, но пить не стал.

— Не мне одному. Подумай о гостях.

— Я о них думала, когда приглашала на годовщину.

— Я не хочу сейчас спорить.

— Тогда зачем пригласил зрителей?

Велисса шевельнулась.

Кайден устало выдохнул.

— Эстелия, прошу тебя.

— Ты ещё о чём-то хочешь меня попросить?

— Хотя бы разговаривай со мной нормально.

Она почти улыбнулась.

За пятнадцать лет Кайден не раз восхищался её способностью сохранять достоинство в неудобных обстоятельствах. На приёмах. В спорах с управляющими. Во время денежных трудностей первых лет брака. На похоронах его отца, когда половина родственников пыталась выяснить, кому достанется какое поместье.

Сегодня та же способность ему почему-то не нравилась.

— Хорошо, — сказала Эстелия. — Только давай уже договорим. Чего ты хочешь?

Кайден бросил короткий взгляд на Велиссу.

Вот теперь всё стало окончательно ясно.

Не потому, что Эстелия раньше ничего не замечала.

Она замечала.

Поздние возвращения.

Письма, которые Кайден перестал оставлять на письменном столе.

Слишком частые упоминания семейства Астэрн.

Поездки, необходимость которых он объяснял настолько скучно, что вопросы казались мелочностью.

Эстелия только не хотела становиться женой, которая проверяет карманы мужа и считает часы его отсутствия.

Оказалось, доверие тоже можно использовать против человека.

— Я хочу расторгнуть наш брак, — произнёс Кайден. — Велисса станет моей женой.

На этот раз даже музыка показалась громче.

Эстелия посмотрела на женщину в своём кресле.

Велисса выдержала взгляд.

К её чести, она не изображала смущение.

— Давно? — спросила Эстелия.

— Эстелия...

— Вы давно это решили?

— Что теперь изменится, если я отвечу?

— Для меня изменится. Ответь.

— Эстелия.

— О разводе при всех говорить можно, а об этом — нет? Сегодня наша годовщина, Кайден. Ты помнишь?

Кайден помолчал.

— Несколько месяцев назад.

Несколько месяцев.

Эстелия кивнула.

Значит, пока она согласовывала зимние поставки для трёх поместий, занималась ремонтом восточного крыла и искала нового управляющего для мельниц, муж уже обсуждал жизнь после неё.

Станным образом эта мысль не разбила её.

Она рассердила.

Потому что Кайден по-прежнему пользовался результатами её работы.

По-прежнему отправлял к ней счетоводов.

По-прежнему спрашивал, почему доход западных земель упал на четыре процента.

По-прежнему требовал организовывать приёмы так, чтобы нужные ему люди оказывались рядом.

Он уже выбрал новую жену.

Но старую пока оставил выполнять обязанности.

— Ясно, — сказала Эстелия. — Господин Ласнер здесь поэтому?

Поверенный замер.

Кайдену пришлось ответить.

— Да.

— Прекрасно.

Она повернулась к мужчине.

— Бумаги вы тоже принесли?

Господин Ласнер открыл рот, затем посмотрел на Кайдена.

— Ваша светлость, я...

— Не смотрите на него, господин Ласнер. Я спрашиваю вас. Документы готовы?

— Предварительные бумаги подготовлены, ваша светлость.

— Принесите их.

Теперь молчали уже все.

Даже Кайден.

— Эстелия, — начал он, — сегодня нет необходимости...

— Не откладывай теперь.

— Я думал, ты захочешь побыть одна. Обдумать всё.

— И что я должна обдумать?

Он явно не нашёлся.

Эстелия помогла:

— Поплакать, а потом попросить тебя остаться? Напомнить про пятнадцать лет? Ты ведь и без меня помнишь, сколько мы женаты.

Велисса побледнела.

Кайден резко поставил бокал.

— Не оскорбляй её.

И вот это, наконец, причинило боль.

Небольшую.

Чистую.

Очень понятную.

Не потому, что он защищал Велиссу. Это было ожидаемо.

Потому что за весь вечер он впервые заговорил с настоящим чувством.

И это чувство предназначалось не Эстелии.

Она медленно расправила салфетку на коленях.

— Молодая женщина — это оскорбление? Ей двадцать семь, Кайден. Я не сказала о ней ничего дурного.

Велисса неожиданно произнесла:

— Мне жаль. Правда. Я не хотела, чтобы вы узнали вот так.

Эстелия посмотрела на неё.

В голосе женщины не было торжества.

Что ж.

Это хотя бы делало происходящее менее пошлым.

— Мне тоже жаль, — ответила она. — Давайте хотя бы закончим этот разговор.

Кайден откинулся на спинку кресла.

— Какие условия тебя устроят?

Вот теперь они наконец добрались до настоящего разговора.

Не о любви.

О собственности.

Эстелия знала мужа достаточно хорошо.

Он подготовился.

Наверняка уже решил, что ей оставить, где она будет жить, сколько получит ежегодно и как часто сможет появляться в столице, чтобы не причинять неудобств его новой семье.

Возможно, считал это щедростью.

— Покажи сначала свои. Ты ведь уже всё приготовил.

Кайден кивнул господину Ласнеру.

Поверенный ушёл из столовой и вскоре вернулся с кожаной папкой.

Эстелия дождалась, пока документы окажутся перед ней.

— Можно продолжать ужин, — сказала она гостям.

Никто не продолжил.

Она вздохнула.

— В самом деле. Рыба остынет.

Госпожа Торвин первой робко взялась за вилку.

Через несколько секунд остальные последовали её примеру.

Эстелия раскрыла папку.

Первые строки были составлены вежливо.

Очень вежливо.

Тем изысканным юридическим языком, которым человека лишали половины жизни так, чтобы это выглядело почти заботой.

За Эстелией сохранялись драгоценности, подаренные ей до и во время брака.

Хорошо.

Небольшой городской дом на улице Белых Лип.

Ожидаемо.

Ежегодное содержание.

Щедрое по меркам провинциальной аристократии и смешное по сравнению с доходом дома Марвейров.

Экипаж.

Четыре слуги.

Право использовать фамилию мужа до нового брака.

Эстелия дочитала до конца.

— И всё?

Кайден нахмурился.

— У тебя будет дом, слуги, деньги. Ни в чём не придётся нуждаться.

— Я прочитала. Спрашиваю, есть ли что-то ещё.

— А что ещё ты хочешь получить?

Эстелия закрыла папку.

— Ничего.

Это была правда.

И именно поэтому ей стало легче.

Впервые за вечер она отчётливо поняла, что не хочет договариваться о более удобной клетке.

Она не желала жить на содержании Кайдена.

Не хотела ежегодно ждать денег от человека, который однажды мог решить, что выплачивает слишком много.

Не хотела городского дома, где все соседи будут знать, чьей бывшей женой она является. Ей нужна была собственность.

Что-то, что нельзя отнять следующим решением Кайдена.

— Содержание можешь вычеркнуть.

На лице мужа впервые появилось настоящее удивление.

— Не говори глупостей.

— Я не сгоряча говорю. Эти деньги я брать не буду.

— На что ты собираешься жить?

— Хочу получать доход от того, что будет принадлежать мне.

Кайден усмехнулся.

— Какой собственности?

Вот теперь Эстелия улыбнулась.

Совсем немного.

Потому что именно эту ошибку мужчины совершали удивительно часто.

Если женщина занималась делами дома, это называли хозяйственностью.

Если теми же делами занимался мужчина, это называли управлением состоянием.

Кайден привык думать, что она лишь помогала.

В действительности последние двенадцать лет Эстелия прекрасно знала, какое из владений Марвейров приносило прибыль, какое существовало ради престижа, а какое каждый год высасывало деньги из общей казны.

Она знала также, какой собственностью Кайден пожертвует без сожаления.

— И дом на Белых Липах вычеркни.

— Ты отказываешься от всего. Что же тебе оставить?

— Землю. Её я возьму.

Он рассмеялся.

Негромко.

Будто она действительно сказала что-то забавное.

— Какая именно?

Эстелия обвела пальцем край папки.

Можно было потребовать хорошую землю.

Мельницы в южной долине.

Небольшое поместье близ столицы.

Две прибыльные деревни у речной переправы.

Но Кайден начнёт торговаться.

А главное — постарается сохранить влияние.

Ей требовалось место, которое он не ценил.

Эстелия перебрала в памяти семейные владения.

И вспомнила карту, которую изучала прошлой зимой, пытаясь понять, почему из горного округа снова пришёл налоговый счёт при почти полном отсутствии дохода.

— «Семь облаков».

Кайден перестал улыбаться.

А потом рассмеялся уже по-настоящему.

— Ты серьёзно?

— Вполне. «Семь облаков».

— Ты вообще помнишь, что это такое?

— Помню. Северо-восток, около сорока двух акров основной земли, лес. Старый гостиничный корпус, хозяйственные постройки. И горячие источники.

— Развалины, — поправил Кайден. — Не гостиничный корпус.

— Вот и отдай мне эти развалины.

Кайден посмотрел на поверенного.

Тот кашлянул.

— Имение числится за герцогским домом, — подтвердил поверенный.

— Только числится? С правом собственности что-то не так?

— Нет, я имел в виду, что им почти не пользуются. Давно уже.

— Это я знаю. Меня интересуют документы.

Кайден покачал головой.

— Ты хоть понимаешь, сколько там ремонта? Жить негде.

— Сколько именно — пока нет.

— Я представляю. Именно поэтому мой отец собирался продать эту землю ещё двадцать лет назад.

— Почему не продал?

Кайден нахмурился.

— Не помню.

Это заинтересовало Эстелию, но совсем немного.

Сейчас важнее было другое.

— Ты всё равно не хочешь этим заниматься. Отдай мне «Семь облаков», и больше ни одного счёта оттуда не получишь.

— Взамен содержания? Совсем?

— Совсем. Впиши отказ.

— И на городской дом потом не претендуешь?

— Не претендую.

Он посмотрел на неё так, словно пытался понять, где скрывается ловушка.

Эстелия его понимала.

Если бы он предложил такую сделку ей, она тоже стала бы искать второе дно.

— Украшения оставишь, — сказал Кайден.

— Мои, конечно. Семейные я не забираю.

— Экипаж.

— Оставь до переезда. Потом верну.

— Четырёх слуг.

— Предложу им уехать со мной. Принуждать никого не стану.

— Эстелия, в «Семи облаках» никто не живёт.

— Теперь буду жить я.

Кайден долго смотрел на неё.

— Хорошо.

Вот и всё.

Пятнадцать лет закончились одним словом.

Эстелия ожидала, что почувствует что-нибудь значительное.

Освобождение.

Горе.

Ярость.

Но внутри оказалось удивительно спокойно.

Вероятно, настоящие чувства придут позже.

После подписей.

После переезда.

Когда она проснётся утром и поймёт, что больше не является женой Кайдена Марвейра.

— Господин Ласнер, запишите, о чём мы договорились.

Поверенный медлил.

— Прямо сейчас?

— Да. Вы ведь уже подготовили остальное.

Кайден поморщился.

— Можно закончить утром.

Эстелия взглянула на часы.

— Сейчас восемь двадцать. Переписчики ещё в канцелярии, сегодня работают до десяти. Готовят бумаги к завтрашнему совету — я сама распорядилась им доплатить. Мы успеем.

Кайден ничего не ответил.

Она знала его дом лучше, чем он предполагал.

Может быть, это и было главной проблемой их брака.

Господин Ласнер собрал бумаги.

— Я подготовлю окончательный вариант.

— И акт передачи владения, — добавила Эстелия. — Земля, строения, лес и права, связанные с источниками.

Поверенный замер на полушаге.

— Права на источники?

Кайден махнул рукой.

— Всё, что там есть.

— Господин Ласнер, так и напишите. Всё, включая права на источники. Чтобы потом не возвращаться к этому разговору.

Ласнер поклонился.

— Разумеется.

Он ушёл.

Кайден неожиданно сказал:

— Ты ещё можешь передумать.

Эстелия посмотрела на него.

— Кайден... Что именно ты предлагаешь мне передумать?

— Я об условиях. Дом в столице всё-таки удобнее.

Не развода.

Условий.

Как ни странно, именно это помогло ей окончательно успокоиться.

— Нет. Я выбрала.

— Ты понятия не имеешь, что тебя ждёт.

— Не знаю. Посмотрю, когда приеду.

— «Семь облаков» не приносили дохода больше тридцати лет.

— Тогда сложно будет сделать хуже.

Уголок его рта дрогнул.

На мгновение он стал похож на прежнего себя.

— Ты всегда была упрямой.

— Ты раньше называл это характером.

— Раньше многое было иначе.

— Да. Было.

Они посмотрели друг на друга.

Эстелия вдруг поняла, что могла бы спросить.

Когда ты перестал меня любить?

Почему не сказал раньше?

Почему именно она?

Чего тебе не хватало?

Все эти вопросы уже стояли где-то рядом, готовые превратить вечер в мучительное препариование пятнадцати лет.

Но ответа, который вернул бы ей эти годы, не существовало.

А унижать себя надеждой услышать правильные слова она не собиралась.

Поэтому спросила другое:

— Велисса будет жить здесь?

Кайден напрягся.

— После оформления развода.

Эстелия кивнула.

— Я уеду скоро. До тех пор пусть мои комнаты останутся моими.

Велисса подняла глаза.

— Я туда не пойду.

— Спасибо.

Это был первый прямой разговор между ними.

И Эстелия неожиданно поверила ей.

Велисса пришла за мужчиной и положением.

Не за её платьями, книгами и комнатами.

По крайней мере пока.

Ужин закончился раньше, чем планировалось.

Никто не захотел оставаться на музыку и десерт.

Гости один за другим прощались с преувеличенной вежливостью.

Некоторые женщины обнимали Эстелию чуть дольше обычного. Несколько мужчин делали вид, что ничего особенного не произошло.

Через час дом опустел.

Документы принесли без десяти десять.

Эстелия прочитала каждую страницу.

Кайден раздражался уже на третьей.

— Ты Ласнеру не доверяешь? Он годами ведёт наши дела.

— Доверяю. И всё равно прочитаю.

— Ты каждую строчку будешь проверять?

— Под каждой будет моя подпись, Кайден.

На шестой странице она нашла ошибку в границах владения.

На восьмой — слишком расплывчатую формулировку о праве использования леса.

На одиннадцатой попросила уточнить, что всё находящееся на территории имущество, не обозначенное как личная собственность Марвейров, переходит новой владелице вместе с землёй.

Кайден постепенно перестал торопить.

К полуночи документы были подписаны.

Кайден поставил последнюю подпись и отложил перо.

— Ну что, теперь ты довольна?

Эстелия посмотрела на листы.

— Довольна? Нет, конечно.

Он вскинул бровь.

— Но теперь я свободна.

И только произнеся это, она поняла, насколько слово ей понравилось.

Утром Эстелия проснулась раньше рассвета.

Первые секунды лежала, глядя на знакомый балдахин над кроватью, и не могла понять, почему внутри так пусто.

Потом вспомнила.

Развод.

Велисса.

«Семь облаков».

Она повернулась на бок.

В комнате всё оставалось прежним.

Шкаф с книгами.

Светлые шторы.

Низкий столик у камина.

Старинное зеркало, которое Кайден подарил ей на третью годовщину.

Только сама жизнь почему-то уже находилась в другом месте.

Эстелия позволила себе десять минут.

Ровно десять.

Она не плакала вчера.

Заплакала сегодня.

Без красивой трагедии и без мыслей о том, что всё потеряно.

Просто лежала, закрыв лицо ладонью, и оплакивала не мужа даже, а ту женщину, которой была много лет назад.

Двадцатичетырёхлетнюю Эстелию, уверенную, что они с Кайденом встретят старость вместе.

Первый дом.

Первую общую зиму.

То, как они сами выбирали мебель, потому что тогда денег было гораздо меньше.

Его привычку приносить ей горячую выпечку после поздних советов.

Свою уверенность, что любовь, если относиться к ней бережно, обязательно выдержит время.

Не выдержала.

Возможно, виноват был Кайден.

Возможно, оба.

Но разбираться в этом сегодня Эстелия не собиралась.

Через десять минут она встала.

К полудню были собраны первые сундуки.

К вечеру выяснилось, что из двадцати семи постоянных слуг герцогского дома уехать с ней захотела только одна женщина.

Тесса, помощница экономки, которой было около пятидесяти и которая проработала рядом с Эстелией двенадцать лет.

— Тесса, ты хорошо подумала? — спросила Эстелия.

Тесса застёгивала старую дорожную сумку.

— Хорошо. Уверенности всё равно нет.

— Хоть ты меня обнадѐжь.

— Могу соврать, если вам от этого легче.

Эстелия рассмеялась впервые после вчерашнего вечера.

— Нет уж. Говори как есть.

— Вот и хорошо. Я никогда не была в горах. Терпеть не могу холод. И подозреваю, что если господин герцог называл то имение развалиной, то там даже крыса побрезгует жить.

— Боюсь, насчёт дома он не преувеличил.

Тесса задумалась.

— Только скажите: жалованье мне будет не от герцога?

— От меня. Его денег там не будет.

— Тогда еду.

Эстелия посмотрела на неё.

— Тебе это так важно?

Тесса пожала плечами.

— Потому что здесь новая хозяйка. У неё будут свои люди. А я слишком стара, чтобы каждый день угадывать, нравлюсь я ей или нет. С вами хотя бы знаю, чего ждать.

— Значит, я хотя бы предсказуема.

— Конечно. Если окажется, что в ваших «Семи облаках» действительно нет крыши, я вернусь.

— Вернёшься, если захочешь. Уговаривать остаться не стану.

Через три дня Эстелия покинула столицу.

Кайден не вышел проводить её.

Зато Велисса стояла у окна второго этажа.

Эстелия заметила её, когда карета поворачивала к воротам.

Женщина не улыбалась.

И не выглядела победительницей.

Это почему-то запомнилось.

Через два дня Эстелия начала подозревать, что Кайден всё-таки отомстил ей за спокойный развод.

Не деньгами.

Дорогой.

Последние тридцать миль до «Семи облаков» заставили её пересмотреть все представления о том, что можно называть трактом.

Карету трясло так, что читать было невозможно. Колёса дважды вязли в промёрзшей грязи, а на одном из подъёмов кучер объявил, что дальше лошади просто не потянут.

Пришлось часть пути идти пешком.

— Если это дорога к богатству, — заметила Тесса, тяжело дыша рядом, — то богатство очень хорошо спрятано.

Эстелия придержала юбку, обходя глубокую лужу.

— Зато конкурентов меньше.

— Если все умерли по дороге.

— Тесса, я и без тебя еле иду.

— Ладно, берегу дыхание.

Горы появились ближе к вечеру.

Сначала тёмные линии вдали.

Потом огромные склоны, покрытые хвойным лесом, и белые вершины, на которых задерживался солнечный свет.

Эстелия невольно остановилась.

В столице гор не было.

Там горизонт всегда упирался в крыши, башни, дым и купола.

Здесь пространство казалось почти чрезмерным.

Холодный воздух пах древесиной и мокрым камнем.

— Красиво, — признала Тесса.

— И это говорит человек, который всю дорогу ворчал.

— Красиво жаловаться не мешает.

Дальше дорога стала немного лучше.

Через час кучер указал вперёд.

— Ваша светлость, кажется, приехали.

Эстелия посмотрела туда, куда он показывал.

И очень медленно сняла перчатку, будто это могло помочь увидеть иначе.

Имение «Семь облаков» стояло на широком каменном уступе между двумя лесистыми склонами.

Когда-то здание наверняка было великолепным.

Центральная часть поднималась на четыре этажа. По сторонам расходились два длинных крыла с арочными галереями. За ними виднелись башенки, террасы и остатки стеклянной оранжереи.

Когда-то.

Сейчас половина окон была заколочена досками.

На правом крыле отсутствовала значительная часть крыши.
Одна из башен подозрительно наклонилась.
Фасад покрывали тёмные потёки, плющ и трещины.
Каменная лестница перед входом осела с одной стороны настолько сильно, что ступени напоминали зубы старой пилы.
Тесса молча смотрела на здание.
— Говори уж, — попросила Эстелия.
— Я пытаюсь решить, соврала ли я насчёт крыс.
— Обжились?
— Думаю, они здесь главные арендаторы.
Эстелия закрыла глаза.
На секунду.
Не больше.
Затем пошла к дому.
Перед дверями их встретили четыре человека.
Четыре.
Эстелия несколько раз перечитала старую ведомость, согласно которой за именем числилось девять работников.
— Госпожа герцогиня? — спросил пожилой мужчина с седой бородой.
— Больше не герцогиня.
Он растерялся.
Эстелия протянула руку.
— Эстелия Ровенар. Новая владелица.
Мужчина неловко пожал её ладонь.
— Бран Тевес. Смотритель.
Остальных представили быстро.
Марта, кухарка.
Её взрослый сын Олдер, который выполнял всё от работы на конюшне до ремонта изгородей.
И молчаливая девушка по имени Нейра, отвечавшая за уборку той части здания, где ещё можно было убирать, а не раскапывать завалы.
— В ведомости девять работников. Где ещё пятеро?
Бран снял шапку.
— Уехали, госпожа. Не осталось их.
— Давно дом на вас четверых?
— Кто когда. Последний прошлой весной.
— А ведомость так и не исправили?
— Это у управляющего спросить надо. Списки он составляет.
— Он где? Я его ещё не видела.
Бран посмотрел на неё почти с сочувствием.
— В городе он, госпожа. Там живёт.
— И управляет отсюда заочно?
— Восемь лет уже так.
Тесса кашлянула.
Эстелия прекрасно знала этот кашель.
Он означал: если позволите, я скажу всё, что думаю.
Эстелия решила пока не позволять.
— Где ближайший город?
— Равенна. Двенадцать миль вниз по дороге.

— Завтра поедем к управляющему.
— Так он сам должен приехать. Он раз в месяц бывает.
— До следующего месяца ждать не будем.
Бран впервые улыбнулся.
Совсем немного.
— Похоже на то.
Эстелия осмотрела фасад.
— Что с крышей?
— Бурей сорвало. Четыре зимы назад.
— Четыре года так и стоит?
— Так и стоит.
— Хоть просили денег на ремонт?
Бран посмотрел на дом, будто ответ находился где-то среди выбитых окон.
— Просили. Не дали.
Эстелия медленно вдохнула холодный воздух.
— Ладно. Показывайте дальше. Нужно понять, за что хвататься сначала.
Через два часа слово «хорошо» стало казаться издевательством.
Большая часть западного крыла была закрыта.
В восточном можно было использовать только первый и второй этажи.
Бывший бальный зал превратился в склад старой мебели.
Кухня оказалась огромной, холодной и неожиданно хорошо сохранившейся.
В подвалах стояли пустые стеллажи.
Из двадцати восьми гостевых комнат пригодными для ночлега были шесть.
Из шести — только в трёх не пахло сыростью.
Оранжерея лишилась почти половины стекла.
В одном из хозяйственных зданий обрушилась стена.
Конюшня держалась исключительно благодаря упрямству Олдера и нескольким новым балкам, которые он поставил сам.
— За чей счёт? — спросила Эстелия.
— Сам купил.
Она посмотрела на него.
Парню было не больше двадцати пяти.
— Олдер, откуда у тебя на это деньги?
— Я летом подрабатываю внизу, на лесопилке.
— И всё ушло сюда? На чужое имущество?
Он пожал плечами.
— А лошадей куда девать, если крыша рухнет? Им-то всё равно, чья конюшня.
Логика была безупречной.
Эстелия занесла мысленную пометку.
Вернуть Олдеру расходы.
Когда появятся деньги.
Если появятся деньги.
Эта мысль прозвучала впервые и очень не понравилась.
— А источники? — спросила она.
Бран замялся.
— С ними... не всё хорошо, госпожа.
— У меня в документах семь источников.
— Было семь. Когда-то.
Эстелия остановилась.

— Сколько осталось?
— Один живой.
Тесса издала странный звук.
— Простите?
— Только нижний работает. К нему и ходим.
— Остальные пересохли?
— Если бы только пересохли...
— Бран, пожалуйста, не заставляйте меня вытягивать из вас каждое слово.
Смотритель потёр бороду.
— Это лучше показать.
Они вышли через заднюю галерею.
За домом склон уходил вниз широкими террасами.
Даже заброшенными они производили впечатление.
Каменные дорожки петляли между деревьями. Здесь и там виднелись круглые бассейны, павильоны, полуразрушенные беседки и низкие стены, покрытые мхом.
Туман стелился над землёй странными полосами.
Не обычный вечерний туман.
Он поднимался из расщелин между камнями.
Воздух постепенно становился теплее.
Эстелия почувствовала влагу на коже.
— Здесь всегда так?
— Около нижнего источника, — ответил Бран.
Они спустились ещё на одну террасу.
Перед ними открылся круглый бассейн, вырубленный прямо в светлом камне.
Над водой клубился серебристый пар.
Бассейн окружали колонны, от которых сохранилось меньше половины. За ними начался резкий обрыв, и дальше были только горы.
Эстелия подошла ближе.
Вода оставалась совершенно прозрачной.
Со дна поднимались крошечные пузырьки.
Она опустила на корточки и коснулась поверхности пальцами.
Тёплая.
Не обжигающая.
Удивительно приятная после холодной дороги.
— И это работает круглый год?
— Круглый год. Даже в мороз.
— Температура меняется?
— Чуть-чуть, но тёплая всегда.
— Вода уходит куда-то дальше?
Бран показал на узкий каменный канал.
— Раньше расходилась по всему комплексу. Потом каналы забило, кое-где стены треснули. Теперь почти вся уходит по старому руслу вниз.
Эстелия выпрямилась.
— А остальные шесть?
— Пойдёмте.
Следующий бассейн находился выше.
Сухой.
На его дне лежали листья и ветки.
Третий был наполовину завален камнями.

Четвёртый почти полностью зарос кустами.
У пятого сохранилась красивая арка, но воды не было.
Шестой скрывался за закрытым павильоном.
Седьмой Бран даже не показал.
— Почему?
— Не стоит туда сейчас, госпожа. Путь плохой.
— Мы не пройдем?
— Сегодня не поведу. Темнеет уже, слишком опасно.
Эстелия была уставшей, промёрзшей и достаточно разумной, чтобы хотя бы один раз за день прислушаться к совету.
— Ладно, сегодня не пойдём.
Они вернулись к работающему источнику.
Солнце уже опустилось за горы.
Туман стал гуще.
Эстелия села на каменную скамью и посмотрела на воду.
Вот её имущество.
Один полуразрушенный дворец.
Четыре работника.
Одна упрямая женщина из столицы.
Несколько лошадей.
Почти пустые кладовые.
И один горячий источник из семи.
Кайдено действительно мог считать, что выиграл.
Наверное, сейчас он сидел в тёплой столовой, где всё работало благодаря системе, которую Эстелия годами выстраивала.
Велисса, возможно, уже перенесла вещи.
Эстелия удивилась, обнаружив, что мысль не причиняет прежней боли.
Она посмотрела на старый дворец.
В окнах горел свет только на первом этаже.
Здание выглядело усталым.
Почти забытым.
Но не мёртвым.
Почему-то Эстелия была в этом уверена.
— Сколько людей здесь раньше принимали? — спросила она.
Бран остался стоять неподалёку.
— Цифры не назову. Не при мне это было.
— А старшие что рассказывали?
— Мой дед рассказывал. В лучшие годы сюда приезжали со всего королевства.
— Чем их сюда привлекали?
Смотритель посмотрел на неё с удивлением.
— Из-за облаков.
Эстелия перевела взгляд на воду.
— Подождите. Каких именно?
— Тех самых, в честь которых имение назвали.
Он указал на склон.
— Каждый источник давал свой туман. Разного цвета, говорят. А когда работали все семь, облака поднимались над дворцом и были видны за много миль.
— Вы сами это видели?
— Нет. Я родился позже.

— Красиво рассказывают. Жаль, проверить нечем.

— Деду я верил. А сам, да, не видел.

Эстелия снова коснулась воды.

Серебристый пар обвился вокруг её запястья.

На мгновение ей показалось, что он задержался дольше, чем должен был.

Она отдернула руку.

Наверное, усталость.

— Завтра разберёмся с деньгами, — сказала Эстелия.

Бран не понял.

— Вы думаете, там ещё что-то осталось?

— Пока не посмотрю счета, ничего не думаю.

Она встала.

— Мне нужны все счета за последние десять лет. Налоги, выплаты работникам, расходы на содержание, старые книги гостей, планы здания, карта земли и всё, что осталось от прежнего управления.

— Сразу всё не найду. Поискать придётся.

— Ищите. Пока нам спешить некуда.

Бран посмотрел на неё странно.

Эстелия заметила.

— Что вы ещё мне не сказали?

Он не ответил сразу.

— Тут представитель короны... С ним бы вам сперва поговорить.

— Здесь, в имении? Зачем он приехал?

За спиной послышался мужской голос:

— Со мной.

Эстелия резко обернулась.

На другой стороне бассейна, там, где ещё минуту назад стояла сплошная стена тумана, появился мужчина.

Она не услышала шагов.

Это раздражало больше, чем пугало.

Незнакомец был высоким, в длинном тёмном дорожном плаще, застёгнутом у горла серебряной пряжкой. На сапогах осталась дорожная грязь. Чёрные волосы намокли от пара, а выражение лица ясно показывало: происходящее его совершенно не радует.

Бран побледнел.

— Ваша светлость...

Эстелия перевела на зрителя взгляд.

Ещё одна светлость.

Прекрасно.

Незнакомец обошёл бассейн.

Двигался он спокойно, без намерения произвести впечатление, но пространство вокруг словно становилось теснее с каждым его шагом.

Эстелия поднялась.

— Мы знакомы?

— Лично не встречались.

— Представьтесь тогда, пожалуйста.

Мужчина остановился в нескольких шагах.

Вблизи он выглядел старше, чем показалось сначала. Чуть за сорок. Резкие черты лица. Серые глаза с тёмным ободком. На правой брови тонкий старый шрам.

Он посмотрел сначала на Эстелию, затем на дом за её спиной.

— Рейнар Кальдэн.

Имя ей было знакомо.

Не настолько, чтобы она сразу вспомнила откуда.

Но титул вспомнился раньше.

Герцог Пепельного Хребта.

Королевский ревизор северных земель.

И, если столичные слухи хотя бы наполовину соответствовали истине, человек, которому очень не нравилось, когда ему мешали работать.

Эстелия поправила перчатку.

— Эстелия Ровенар.

— Мне сообщили, что вы приехали.

Это ей не понравилось.

— Тогда объясните, герцог Кальдэн, зачем вы здесь. У меня сегодня и так немало новостей.

Рейнар перевёл взгляд на воду.

— Боюсь, придётся добавить ещё одну. Ваше право пользоваться источником могут прекратить.

Эстелия почувствовала, как за спиной Тесса очень тихо вдохнула.

— На каком основании?

Мужчина достал из внутреннего кармана сложенный документ.

Не протянул.

Просто держал в руке.

— Герцог Марвейр не предупредил вас?

Эстелия почти рассмеялась.

Конечно.

Кайден.

— Судя по вашему лицу, о самом важном. Говорите.

Рейнар посмотрел на неё чуть внимательнее.

Будто только сейчас понял, что действительно не знает ответа.

— «Семь облаков» находятся под королевской проверкой.

— По какой причине?

— Имение заброшено. За содержание горных сооружений накопились долги, постоянного управления нет. А источники здесь коронные: для них действуют отдельные требования. Они тоже нарушены.

Последние два слова прозвучали особенно неприятно.

— Коронными?

— Вы не знали?

— Нет. Мне передали их вместе с землёй.

Рейнар слегка прищурился.

— Понятно. Значит, начнём с уведомления.

Эстелия терпеть не могла это слово, произнесённое таким тоном.

— Пока понятно только вам.

Он наконец протянул документ.

Эстелия развернула лист.

Текст был длинным.

Печать настоящей.

Дата — три недели назад.

Она быстро пробежала строки глазами.

Часть формулировок пришлось перечитать дважды.

А затем она нашла главное.

— Это предписание о закрытии.

— Уведомление. Окончательное решение ещё не принято.

— Но срок уже назначен.

— Да, и он идёт.

Эстелия подняла глаза.

— Через месяц.

— Не считайте со дня получения.

— Здесь написано...

— Срок идёт с регистрации документа. Посмотрите дату.

Он говорил спокойно.

Слишком спокойно.

Эстелия посмотрела на дату ещё раз.

Три недели назад.

Холод, который она перестала замечать возле тёплой воды, внезапно вернулся.

— Сколько у меня осталось?

Рейнар Кальдэн сложил руки за спиной.

За ним клубился серебристый туман единственного живого источника.

— Тридцать дней, госпожа Ровенар.

Он сделал короткую паузу.

— Через тридцать дней корона закроет «Семь облаков» навсегда.

Глава 2. Тридцать дней до закрытия

Эстелия перечитала последнюю строку уведомления ещё раз, хотя за несколько секунд буквы не могли измениться.

Тридцать дней.

Вечером, когда она впервые увидела «Семь облаков», месяц показался бы почти щедрым сроком. За месяц можно было разобраться со счетами, оценить состояние строений, нанять людей, понять, что делать с источниками, и хотя бы приблизительно решить, хочет ли она провести здесь несколько лет или продать владение при первой возможности.

Теперь выяснялось, что через месяц ей, возможно, будет нечего продавать.

— Что именно означает «закроет»? — спросила она.

Рейнар Кальдэн не торопился отвечать. Вблизи работающего источника пар то скрывал нижнюю часть его плаща, то расходился, открывая мокрый от каменной дорожки край. Он выглядел человеком, который уже не раз произносил подобные новости и давно перестал считать их поводом для долгих объяснений.

— Корона прекращает право частного использования источников, — сказал он. — Территорию опечатывают до решения комиссии. Посторонним доступ запрещается. Любая деятельность, связанная с приёмом гостей или получением дохода с источников, прекращается.

— А дом?

— Само здание останется вашим, если документы о передаче собственности оформлены верно.

— Дом без воды. Кто же поедет в такую глушь просто ночевать?

— В этом и проблема.

— Хорошо хоть вы сказали прямо.

Рейнар посмотрел на неё чуть внимательнее.

Эстелия сложила уведомление по прежним сгибам и вернула ему.

— Что нужно сделать, чтобы этого не произошло?

— Госпожа Ровенар, вы ещё даже дом толком не осмотрели.

— Поэтому и спрашиваю. За что мне браться?

— Я прошу вас сначала оценить свои силы.

— Оценю. Но мне нужно знать, что от меня потребуют.

Бран стоял чуть поодаль, явно желая стать частью ближайшей каменной колонны. Тесса, напротив, не скрывала интереса. За двенадцать лет Эстелия научилась понимать её выражение лица: помощница экономки уже мысленно составляла список людей, которых следовало обвинить во всех нынешних бедах, и господин бывший управляющий наверняка занимал в этом списке почётное первое место.

Рейнар протянул руку.

— Покажите лист, пожалуйста. Разберём по пунктам.

Эстелия вернула лист.

Он развернул документ.

— Причин для проверки четыре. Первая — владение фактически заброшено. Вторая — содержание горных сооружений не соответствует требованиям безопасности. Третья — отсутствует управление на месте. Четвёртая — за последние годы имение не подтверждало хозяйственную деятельность, ради которой частному владельцу сохранялось право пользования источниками.

— Простите, на последнем пункте я потерялась. Что конкретно нарушено?

— Земля получила особый статус, потому что здесь существовал действующий гостевой комплекс. Пока он работал, прежние владельцы имели право использовать воду. Когда работа прекратилась, основание для этого права стало спорным.

— Сколько лет назад комплекс перестал принимать гостей?

Бран кашлянул.

— Если считать настоящих гостей, то больше двадцати.

Эстелия медленно повернулась к нему.

— И за двадцать лет никто не попытался открыть его снова?

— Иногда приезжали знакомые прежнего герцога. Охотники. Родственники. Но чтобы комнаты сдавали за плату... я такого уже не застал.

Рейнар свернул уведомление.

— Именно поэтому проверка началась не вчера.

— А это уведомление почему только сейчас? На нём дата трёхнедельной давности.

— Проверка идёт почти два года.

Эстелия почувствовала, как раздражение, до этого направленное преимущественно на Кайдена, стало гораздо более организованным.

— И все два года документы приходили герцогу Марвейру?

— Да, уведомляли владельца.

— Который три дня назад передал мне имение и не сказал ни слова.

— Этого я за него объяснить не могу.

— Да уж. Объяснять он умеет.

Она отошла к краю бассейна.

Под паром вода выглядела неподвижной, хотя откуда-то со дна непрерывно поднимались пузырьки. В иных обстоятельствах место могло бы успокаивать. Сейчас же Эстелия смотрела на единственный работающий источник и видела не красоту, а срок.

Тридцать дней.

У неё был опыт управления большим домом, тремя поместьями, слугами, поставками, приёмами и расходами. Но одно дело — привести в порядок хозяйство, которое уже существует, и совсем другое — за месяц воскресить то, что умерло двадцать лет назад.

— Допустим, — сказала она, оборачиваясь к Рейнару, — я приведу в порядок часть здания. Назначу управляющего, начну принимать гостей и покажу доход. Этого достаточно?

— Может хватить. Зависит от того, что увидит комиссия.

— Мне бы знать до того, как я потрачу деньги.

— Понимаю. Но обещать решение за комиссию не могу.

— Тогда скажите, что зависит лично от вас.

Он не обиделся.

— Если через тридцать дней комиссия увидит действующее предприятие, способное содержать используемую часть комплекса, если доступ к источнику будет безопасным, а управление — постоянным, я смогу рекомендовать продлить разрешение на частное пользование.

— Только рекомендовать?

— Да. Заключение будет моим.

— И вы вправе отказать, даже если я всё выполню?

— Если останутся основания для отказа.

— И окончательное решение не за вами?

— Решает комиссия.

— Значит, начинать придётся без гарантий.

Тесса тихо фыркнула.

Рейнар перевёл на неё взгляд. Тесса немедленно сделала вид, что её чрезвычайно занимает состояние старой беседки.

Эстелия продолжила:

— Что вы будете оценивать?

— Доходы и расходы. Состояние помещений, которые используются для гостей. Число работников. Порядок на территории. Книгу размещения. Наличие управляющего или владельца, который действительно находится здесь, а не появляется раз в месяц. И безопасность подходов к действующему источнику.

— А весь дворец обязан быть восстановлен?

— Нет.

Ответ последовал настолько быстро, что Эстелия замерла.

— Простите... То есть можно оставить часть закрытой?

Рейнар приподнял бровь.

— Можно. Весь дворец вам за месяц восстанавливать незачем.

— Сколько помещений должно работать?

— Столько, сколько вы заявите как действующую часть комплекса. Всё остальное необходимо закрыть для гостей и обозначить как недоступное.

Эстелия посмотрела на огромное здание.

Четыре этажа центральной части. Два крыла. Двадцать восемь гостевых комнат. Бальный зал. Галереи. Оранжерея.

Она мысленно вычеркнула почти всё.

Рейнар, вероятно, заметил изменение в её лице.

— Что вас так заинтересовало?

— Я считала совсем другой объём ремонта.

— И теперь?

— Теперь весь дворец подождёт.

Бран вытаращил глаза.

— Госпожа Ровенар?

— Для открытия мне не нужен весь дом, Бран.

— Но это же «Семь облаков».

— Люди приедут к источнику. Нам нужны комнаты, в которых они смогут жить. До остальных доберёмся, когда будут деньги.

Она пошла обратно к дому.

Через несколько шагов поняла, что Рейнар идёт следом.

— Вы куда? — спросил он.

— В дом. Надо посчитать, на что хватит средств.

— Вы с дороги не отдохнули.

Эстелия остановилась.

— А вы дали мне тридцать дней. Я не усну, пока хотя бы не пойму, с чего начинать.

В первый раз за всё время в выражении его лица появилось что-то похожее на сдержанное удивление.

— Тогда не буду задерживать.

— Спасибо. Бран, идёте.

Ужин состоял из густой похлёбки с кореньями, свежего хлеба и яблок, которые Марта сумела сохранить в погребе с осени.

Эстелия ела за длинным кухонным столом вместе со всеми.

Это произошло не из стремления продемонстрировать близость к народу. Столовая оставалась холодной, одна из дверей плохо закрывалась, а в кухне хотя бы было тепло.

Рейнар от ужина отказался.

Он собирался вернуться в Равенну ещё до полной темноты.

— Дорога ночью опаснее, — заметил Бран.

— Знакомая дорога. Доеду.

— Может, переночуете всё-таки?

— Потому что у меня там вещи и люди.

Тесса, расставлявшая кружки, посмотрела на Эстелию.

— А у нас вещи есть, людей почти нет.

— Тесса.

— Я только о том, что места хватит.

Рейнар неожиданно ответил:

— У вас есть шесть пригодных комнат.

— Три, — поправила Эстелия.

— Шесть, если заняться сыростью.

Она отложила ложку.

— В трёх сыро.

— Но потолки целы, окна закрываются, а полы не проваливаются. Это уже больше, чем в некоторых местах, которые я проверял.

— Хорошие у вас образцы для сравнения. Хоть немного утешили.

— Утешать рано. Но комнаты восстановить можно.

— Уже что-то.

Он уехал вскоре после этого, оставив копию требований комиссии и обещание вернуться через неделю.

Не помочь.

Проверить.

Эстелию это устраивало больше.

Она не хотела быть обязанной мужчине, которого видела первый вечер в жизни, особенно если через месяц именно от его заключения будет зависеть судьба «Семи облаков».

После ужина Бран принёс первую часть документов.

Их оказалось так мало, что Эстелия сначала решила, будто он не понял просьбу.

На стол легли три потрёпанные книги, связка квитанций и несколько сложенных планов.

— Это всё?

— Больше здесь нет. Всё, что нашёл, принёс.

— Книги за остальные годы тоже должны быть. Где их держат?

— У управляющего.

— Который живёт в Равенне.

— У него, госпожа.

Эстелия посмотрела на первую книгу.

Последняя запись была сделана девять месяцев назад.

Расходы на содержание здания.

Оплата девяти работников.

Закупка древесины.

Ремонт крыши в хозяйственном дворе.

Она перечитала строку дважды.

— Бран, сколько человек получали жалованье от имения прошлой осенью?

— Мы четверо.

— Здесь девять.

— Так про этих пятерых я вам и говорил.

— Я думала, их просто забыли вычеркнуть. А им, судя по книге, платили. Смотрите, вот суммы.

Бран подошёл ближе.

— Я этих денег не видел.

Олдер нахмурился.

— И мать не получала. Я бы знал.

Марта перестала складывать посуду.

Эстелия открыла следующую страницу.

Ещё девять работников.

Ещё выплаты.

Она не спешила объявлять управляющего вором. Слишком мало данных. Возможно, часть денег действительно уходила людям, работавшим в городе, на лесных участках или где-то ещё.

Но если это было так, завтра он легко объяснит.

— Вы получали жалование регулярно? — спросила она.

— Когда как, — ответил Бран. — Иногда раз в два месяца.

— Когда выдавали, всё отдавали? Или часть оставалась в долгу?

Он задумался.

— Не всегда всё. Говорили, остаток позже выдадут.

— За получение расписываться просили?

— Бывало. Не каждый раз.

— Сумма к тому времени стояла? Пустых квитанций не было?

Бран посмотрел на неё уже настороженно.

— Нет, в пустом я бы не расписался.

Хорошо.

По крайней мере люди не ставили подписи под неизвестными суммами.

Эстелия провела пальцем по строчкам.

— Утром едем в Равенну. Бран, вы с нами.

— Я вам в городе зачем?

— Вы знаете дорогу и управляющего.

— Это верно. Покажу.

— Олдер останется здесь. Мне нужен полный список того, что можно продать без ущерба для работы дома.

Олдер растерялся.

— Продать?

— Составьте список того, без чего мы месяц проживём. Сначала посмотрю, потом решим, что продавать.

Тесса присела напротив.

— Что именно вы собираетесь продавать?

— В бальном зале стоит мебель, которой никто не пользуется. В западной галерее я видела два огромных зеркала. В закрытой столовой — серебряные подсвечники. Если они принадлежат имению, они мне сейчас нужнее в виде денег.

Бран побледнел.

— Госпожа, там же старинные вещи. Других таких не найдёшь.

— Значит, за них можно получить хорошую цену.

— Они всегда здесь стояли. Без них и дом...

— Бран, через месяц дом могут закрыть. Я не хочу спасать кресла ценой самого курорта.

Марта отвернулась, но Эстелия заметила, как дрогнули её губы.

Бран не улыбался.

— Прежний герцог не позволял ничего вывозить.

— Прежний герцог сюда и не приезжал.

— Его отец говорил, что дом надо сохранить таким, каким он был.

Эстелия закрыла книгу.

— А кто сохранил крышу? Окна? Одними запретами дом не уберegli.
Смотритель замолчал.

Эстелия не хотела ссориться с человеком в первый же день, но и оставлять красивое старье гнить в закрытых комнатах ради памяти о чужих решениях не собиралась.

— Я понимаю, вам жалко. Мне тоже, — сказала она уже спокойнее. — Давайте сначала выберем то, без чего дом потеряет своё лицо. Это оставим. Но на крышу, бельё, еду и людей нужны деньги сейчас. Свои у меня есть, только вложить всё до решения комиссии я не могу себе позволить.

Бран нехотя кивнул.

— Покажу, что там осталось. Посмотрим вместе.

— И ещё. Завтра с утра закройте западное крыло так, чтобы туда никто случайно не вошёл. Даже если никто сюда не приезжает.

— У нас чужих и не бывает.

— Через три недели — гости.

За столом стало тихо.

Марта первой решила, что ослышалась.

— Какие гости?

— Те, кто заплатит за комнаты.

— Вы хотите их поселить здесь уже через три недели?

— Если успеем, ещё раньше.

Тесса прикрыла глаза ладонью.

— Я знала, что надо было вернуться в столицу на первой же горе.

Эстелия взяла чистый лист.

— Через двадцать четыре дня комиссия должна увидеть работающий курорт. Значит, первые гости должны приехать минимум за неделю до этого. Лучше раньше. Нам нужен срок, чтобы понять, что мы сделали неправильно.

— А если мы всё сделали неправильно? — спросил Олдер.

— Исправим сколько успеем. Всё равно лучше узнать об этом до комиссии.

Тесса посмотрела на лист.

— Сколько комнат?

Эстелия вспомнила вечерний обход.

Двадцать восемь гостевых помещений.

Шесть условно пригодны.

Чтобы заработать достаточно, шести мало.

Чтобы восстановить двадцать восемь, не хватит ни денег, ни людей.

— Двенадцать.

Бран чуть не уронил кружку.

— У нас шесть целых.

— Я хочу подготовить ещё шесть.

— За три недели?

— Попробуем уложиться.

— Вы никогда не ремонтировали этот дом.

— Не ремонтировала. Поэтому и прошу помочь мне разобраться.

— Да вы и мастеров здешних не знаете.

— Завтра познакомлюсь.

— Они за срочную работу столько попросят...

— Узнаю цену. Пока спорим о том, чего никто из нас не посчитал.

Он смотрел на неё так, словно пытался определить, шутит она или действительно сошла с ума по дороге из столицы.

— А если мастеров нет?

— Тогда откроем столько комнат, сколько сумеем подготовить.

— А двенадцать? Вы же сами сказали.

— Это сколько я хочу, Бран. Если стены окажутся против, придётся договариваться со стенами.

На этот раз Марта всё-таки рассмеялась.

Напряжение за столом немного ослабло.

Эстелия записала:

«Двенадцать комнат. Кухня. Главный вход. Внутренний двор. Нижний источник».

Потом перечеркнула «главный вход».

Перед глазами возникла осевшая лестница.

— Нет. Главный вход не трогаем.

Тесса посмотрела на неё.

— Гости будут заходить через кухню?

— Через восточную галерею. Там ступени целы, а от дороги можно сделать отдельный подъезд.

Бран нахмурился.

— Но парадный вход выглядит...

— Я видела. На одну эту лестницу уйдёт половина денег, а спать гости будут всё ещё нигде.

Она добавила:

«Восточная галерея — вход».

— А бальный зал? — спросила Тесса.

— Пока закроем. Танцевать нам рано.

— Оранжерея?

— Тоже. Стёкла сейчас не потянем.

— Большая столовая?

— И столовую. Будем есть ближе к кухне.

Бран уже не скрывал потрясения.

— Так что же мы гостям покажем?

Эстелия посмотрела на него.

— Чистые комнаты. Накормим, проводим к горячей воде. А вид с террасы вы сами знаете. Я по дороге на него засмотрелась и забыла, что ноги промокли. Для начала нам хватит.

Бран хотел возразить.

Она подняла руку.

— Через год вернёмся к бальному залу, если заработаем. Я не против него, Бран. Но сейчас у нас на сто танцующих найдётся место, а на троих ночующих — едва-едва.

Смотритель сел обратно.

— Вы действительно собираетесь это сделать.

— Попытаюсь. Обещать больше пока не могу.

— Нет, я... Я думал, вы просто поживёте и уедете. А вы гостей ждёте.

Эстелия посмотрела на старые книги.

На бумагах были суммы, которых не видели работники.

За стенами — комнаты, где десятилетиями никто не ночевал.

Где-то в городе жил управляющий, получавший деньги за хозяйство, в котором отсутствовал.

А бывший муж был уверен, что подарил ей бесполезную развалину.

— Жду, Бран. Правда жду.

Утро принесло дождь.

Не ливень, а мелкую горную морось, от которой дорога становилась блестящей и вязкой. Эстелия уже начинала понимать, почему здешние люди говорили о расстояниях не в милях, а в часах пути.

Равенна оказалась небольшим городом, тесно прижавшимся к склону у развилки двух дорог. Каменные дома стояли почти вплотную. Первый этаж многих занимали мастерские и лавки, над которыми сушилось бельё и висели деревянные вывески.

Эстелия ожидала увидеть сонную провинцию.

Вместо этого на площади было шумно.

Лесовозы.

Повозки с мукой.

Люди в плотных шерстяных плащах.

Два постоянных двора.

Мастерская с целой стеной оконных рам.

Она попросила кучера остановиться.

— Мы не к управляющему? — спросил Бран.

— К управляющему тоже успеем. Я на минуту сюда.

— Что вы там увидели?

— Посмотреть цену окон.

Тесса хмыкнула.

— Я говорила, что жить с вами спокойно не получится.

Мастер оказался широкоплечим мужчиной лет шестидесяти, с руками, покрытыми мелкими порезами. Услышав, что требуются рамы для «Семи облаков», он перестал улыбаться.

— Для дворца?

— Пока нужны рамы для двенадцати комнат.

— Там окон на полсотни.

— Весь дом я не заказываю. Только то, где поселим гостей.

Он посмотрел на неё подозрительно.

— Вы новая хозяйка?

— Да.

— Та самая?

Эстелия не стала уточнять, какая именно.

— Смотря что вам рассказали.

Мастер вытер ладони о передник.

— А говорят, вас муж выгнал.

Тесса издала возмущённый звук.

Эстелия опередила её.

— А ещё говорят, что вы делаете лучшие рамы в Равенне. Одно из двух я сегодня могу проверить.

Мужчина моргнул.

Бран отвернулся к стене, пряча улыбку.

Через четверть часа они уже обсуждали размеры.

Мастер мог приехать завтра, но двенадцать комнат за несколько дней не обещал. У него было двое помощников и заказы.

— А на какой объём можете взяться?

— Если рамы не все менять, а где-то перебрать старые, может, половину.

— Мне нужно шесть комнат сверх тех, где уже можно жить.

— Осмотреть надо.

— Приезжайте завтра, покажу всё на месте.

— До обеда буду. Там и решим.

— Договорились.

Следующей была прачечная.

Потом лавка тканей.

Потом столяр.

К полудню Эстелия знала примерную цену матрасов, занавесей, столов, посуды, ремонта печных заслонок и найма рабочих лучше, чем состояние собственного банковского счёта.

Последнее начинало беспокоить.

Управляющий проживал в двухэтажном доме возле ратуши.

Он открыл не сразу.

Господин Фарен оказался худым мужчиной с тщательно подстриженной бородкой и раздражённым выражением человека, которому помешали заниматься важными делами.

Увидев Брана, он нахмурился.

Увидев Эстелию, изменился в лице.

— Ваша светлость?

— Уже нет.

Эту фразу она начинала произносить слишком часто.

— Эстелия Ровенар. Владелица «Семи облаков».

— Разумеется. Я слышал о... переменах.

Конечно слышал.

Столичные новости добирались до гор быстрее, чем ремонтные деньги.

— Тогда вы понимаете, зачем я приехала. Давайте посмотрим книги имения за десять лет.

Фарен распахнул дверь шире.

— Проходите.

Его кабинет оказался лучше обставлен, чем три пригодные комнаты «Семи облаков» вместе взятые.

Эстелия это отметила, но выводов не сделала.

Пока.

Управляющий засуетился вокруг шкафа.

— Дело в том, что часть книг находится на хранении в городской конторе.

— Заберём из конторы. Где она?

Он оглянулся.

— Сегодня?

— Сегодня. Мне нужно приступить к работе.

— Но потребуется запрос.

— Я подпишу. Запрос от владельца нужен?

— Формально...

— Документы о передаче у меня с собой. Что ещё требуется?

Фарен прикрыл дверцу шкафа.

— Конечно.

Эстелия села напротив стола.

— Сколько человек сейчас получают жалованье от «Семи облаков»?

Мужчина замаялся на долю секунды.

— Смотря кого считать постоянными.

— Хорошо. Постоянных сколько?

— Девять.

Бран шумно выдохнул.

Эстелия не повернула головы.

— Давайте поимённо, я запишу.

Фарен перечислил Брана, Марту, Олдера и Нейру.

Потом ещё пять имён.

Эстелия записала их.

— Где они работают?

— У них работа разъездная. Вызываем, когда нужно.

— Фарен, я спрашиваю, где их найти.

— Один следит за лесным участком. Двое занимаются дорогой. Ещё...

— Подождите. Кто именно? Давайте в том же порядке.

Он назвал.

— Сколько вы платили человеку, который следит за дорогой, в прошлом месяце?

Фарен назвал сумму.

Эстелия записала.

— Бран, вы знаете господина Ловиса?

Смотритель покачал головой.

— Никогда не слышал.

— Он мог работать на нижнем участке?

— Мог. Но дорогу к имению никто постоянно не чинит. Это я точно знаю.

Фарен повысил голос:

— Вы хотите обвинить меня в чём-то?

— Я хочу понять, куда уходили деньги. Пока только это.

— Очень похоже на обвинения.

— Если окажется, что всё в порядке, вам нечего опасаться.

Ей самой эта фраза не понравилась. Слишком удобно звучала.

Эстелия закрыла блокнот.

— Поэтому сделаем иначе. Сегодня вы передадите мне книги, списки выплат и договоры. Я проверю. Если всё подтверждается, разговор закончен.

— На это потребуется время.

— На проверку тоже. Поэтому начнём сегодня.

— Госпожа Ровенар, я много лет управлял этим имением при герцоге Марвейре.

— Вели счета, вы хотите сказать.

Он осёкся.

— Что вас не устраивает в моей работе?

— То, что вы занимались ею отсюда. В имении жил Бран, к нему шли с каждой бедой.

А денег, судя по дому, у него не было.

Бран открыл рот.

Эстелия посмотрела на него.

— Бран, я не вас сейчас обвиняю. Я видела, в каких условиях вы работали.

Он закрыл рот.

Фарен медленно выпрямился.

— Если вас настолько не устраивает, как я веду дела, назначьте другого.

— Так и сделаю. Уже решила, кому передать управление.

В комнате стало тихо.

Эстелия сама не планировала произносить это сегодня.

Но решение, возникшее вечером, стало яснее после первых десяти минут разговора.

— Кто? — спросил Фарен.

— Сама буду управлять.

Он рассмеялся.

Неприятно.

Не громко, но совершенно искренне.

— Вы?

— Да, я. Вы не ослышались.

— Вы собираетесь жить там?

— Я уже там живу. Ближайший месяц проведу в имении.

— В развалинах?

— Для жалованья развалины годились, а для хозяйки уже нет?

Смех исчез.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать.

— Мы закончили. Книги, договоры, всё имущество «Семи облаков», которое у вас, передайте Брану до вечера. После проверки рассчитаемся.

Фарен побледнел.

— Вы увольняете меня?

— С сегодняшнего дня.

— Герцог Марвейр никогда...

— Герцог Марвейр больше не владеет имением.

— Я могу написать ему.

— Пишите. Решение от этого не изменится.

Эстелия поднялась.

— Можете передать ему привет.

На улице Тесса догнала её первой.

— Вы даже книги не посмотрели.

— Привезут — посмотрю.

— А если он честный?

Эстелия поправила перчатки.

— Тогда я выплачу ему всё, что положено, и извинюсь за подозрения.

Бран хмыкнул.

— Но обратно не возьмёте.

— Не возьму.

— Даже если с деньгами всё чисто?

Эстелия посмотрела на городскую площадь.

— Потому что честный управляющий, который восемь лет живёт в двенадцати милях от дома и не замечает, что крыша четыре года стоит разрушенной, мне тоже не нужен.

Бран на несколько секунд задумался.

— С этим не поспоришь.

К вечеру выяснилось, что продажа старой обстановки вызывает в Равенне гораздо больший интерес, чем будущее самого курорта.

Первым приехал антиквар.

За ним — хозяин лучшей гостиницы.

Потом неизвестно откуда появился торговец из соседнего города, который увидел старые зеркала и немедленно предложил сумму почти вдвое выше первой.

Бран страдал.

Особенно когда из бального зала вынесли шесть кресел с резными спинками.

— Им больше ста лет.

— Они три десятилетия стояли под пылью, — сказала Эстелия.

— Всё равно жалко.

— Я знаю, Бран. Мне тоже нелегко их отдавать.

— По вам и не скажешь.

— А вы представьте новые рамы на эти деньги. Мне только это и помогает.

Он покосился на неё.

— Это не то же самое.

— Для нас сейчас связано одно с другим.

Не всё пошло на продажу.

Большой каминный экран с изображением семи серебряных облаков Эстелия оставила.

Два старых гобелена тоже.

Когда торговец предложил купить деревянную стойку из бывшего приёмного зала, она отказалась, хотя цена была хорошей.

— Почему это оставляете? — спросила Тесса.

— Потому что через две недели за ней кто-то должен встречать гостей.

Тесса посмотрела на стойку.

— Тогда её хотя бы отмыть надо.

— Отмоем. Заодно увидим, за чем будут сидеть наши первые гости.

Самым дорогим оказался огромный светильник из малого бального зала.

Он висел там настолько давно, что никто не помнил, когда его зажигали последний раз.

Эстелия долго стояла под ним.

Стеклянные подвески покрывал слой пыли, но в редких лучах света они всё равно вспыхивали золотыми искрами.

— Красивый, — сказал Бран.

— Очень. Даже пыль не портит.

— Оставим?

Эстелия тихо назвала цену, которую предложил торговец.

Бран помолчал.

— Снимем аккуратно.

Полученных денег хватало не на дворец.

На двенадцать комнат.

Именно в этом заключалась разница.

На третий день в доме появились мастера.

На четвёртый их стало одиннадцать.

На пятый Эстелия поняла, что одиннадцать мужчин, работающих одновременно в старом здании, способны создать больше беспорядка, чем двадцать лет запустения.

Повсюду лежали доски.

Окна были раскрыты.

По коридорам носили старые рамы.

Кто-то бесконечно стучал.

Из шести новых комнат две оказались в худшем состоянии, чем предполагали при первом осмотре. Под половицами одной обнаружилась гниль, а в другой после дождя проступило мокрое пятно.

— Закрываем обе, — сказал мастер.

Эстелия посмотрела на комнату.

— Десять комнат остаётся. Меньше, чем рассчитывали.

— Зато в этих десяти пол под людьми останется на месте.

— Понимаю. Только принять трудно.

Мастер пожал плечами.

— Я могу пообещать вам двенадцать. Бумага выдержит. А вот пол — не уверен. Не хочу потом объясняться ни с вами, ни с ревизором.

— Хорошо, закрываем. Уговаривать вас не буду.

Она вычеркнула две комнаты.

Через час нашла другие.

Не сама.

Нейра.

Девушка всё это время молча выполняла свою работу и почти не участвовала в разговорах. В тот день она подошла к Эстелии в коридоре и сказала:

— Есть ещё четыре комнаты.

— Мы их не смотрели? Где они?

— Над кухней.

— Служебные, что ли?

— Да. Только там давно никто не живёт. Можно посмотреть.

Комнаты оказались маленькими.

Зато сухими.

В одной сохранилась синяя печь, в двух — встроенные шкафы, а окна выходили на лес, не на горы.

— Почему Бран их не считал?

Нейра пожала плечами.

— Их за гостевые не считали. Для господ там не устраивали.

Эстелия огляделась.

— А сухо-то как. Чем плохо для начала?

Две из четырёх комнат решили восстановить.

Двенадцать вернулись в список.

Первую неделю Эстелия почти не думала о Кайдене.

Это стало для неё неожиданностью.

Вечерами она падала в постель настолько уставшей, что прошлой жизни не оставалось места.

Утром нужно было считать деньги.

Потом проверять работы.

Потом спорить о цене древесины.

Потом выбирать, какие занавеси заказать, потому что дорогая ткань выглядела красивее, но дешёвая позволяла обставить ещё одну комнату.

Потом выяснять, почему кухне требуется вдвое больше дров, чем предполагала Марта.

Потом снова считать.

На восьмой день приехал Рейнар.

Эстелия увидела его из окна бывшей библиотеки, которую временно превратила в рабочий кабинет.

Он въехал во двор верхом, один.

Без свиты.

Без чиновника.

Без человека с папкой, который выглядел бы достаточно неприятно, чтобы представлять комиссию.

Тесса появилась в дверях через минуту.

— Приехал.

— Уже заметила.

— Вы выйдете?

— Пусть поднимается. Дверь он найдёт.

Тесса посмотрела на неё.

— Вы же понимаете, что именно он будет решать...

— Он даст заключение. Решает комиссия.

— От его заключения нам никуда не деться.

— Знаю, Тесса. Но встречать у ворот с музыкой не пойду. У меня счета не сходятся.

Тесса ушла.

Через несколько минут Рейнар вошёл сам.

Он остановился в дверях кабинета и посмотрел на стол.

На нём лежали счета, планы, образцы тканей и три разных предложения по ремонту дорожки к источнику.

— Я ожидал застать вас в бальном зале.

Эстелия не сразу поняла.

— Почему?

— Половина новых владельцев старых домов начинает с бального зала.

— И все непременно с зала? Неужели никому крыша не нужна?

— С фасада.

— Ну вот, я вам всю привычную картину испортила.

Рейнар прошёл к окну.

Во дворе двое рабочих разгружали доски.

— Что вы продали?

Эстелия подняла голову.

— Откуда знаете?

— На въезде встретил повозку с вашим старым светильником.

— Значит, уже увезли.

— Сколько получили?

— Это касается проверки?

— Нет.

— Тогда пусть это останется между мной и покупателем.

Он повернулся.

— Не привык, чтобы от моих вопросов так отмахивались.

— А я ещё не привыкла объяснять ревизору каждую свою покупку и продажу.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

Потом Рейнар неожиданно усмехнулся.

Очень коротко.

— Показывайте.

— С чего начнём? Тут везде пока работа.

— Ваш работающий курорт.

— До работающего ещё несколько дней.

— Я вижу. Покажите, что успели.

Они начали с восточной галереи.

Старая дорожка к ней уже была расчищена.

Олдер вместе с двумя местными рабочими расширял подъезд, чтобы экипажи могли разворачиваться, не заезжая к полуразрушенной парадной лестнице.

Рейнар остановился.

— Вы перенесли вход.

— Здесь можно обойтись без большой стройки.

— Решили из-за лестницы?

Эстелия показала на главный фасад.

— Потому что на его ремонт мне назвали сумму, за которую можно подготовить шесть комнат.

— На четыре хватит. Не переоценивайте эти деньги.

— По моим расчётам, на шесть.

— Через неделю увидим.

Она посмотрела на него.

— Вы специально приехали портить мне настроение?

— Я приехал проверить продвижение работ.

— Тогда давайте досмотрим. Цифры сверю ещё раз.

Внутри галереи уже побелили стены. Нейра мыла старую плитку, оказавшуюся после нескольких часов работы не серой, а тёмно-зелёной.

Рейнар провёл пальцами по деревянной раме.

— Старая.

— Да, менять пока незачем. Она крепкая.

— Вы ничего не меняете без необходимости.

— При здешних ценах быстро учишься беречь целое.

Они поднялись на второй этаж.

Шесть бывших гостевых комнат уже проветривались.

В двух стояли новые кровати.

В остальных пока лежали разобранные рамы и доски.

— Двенадцать, — сказала Эстелия.

— Двенадцать комнат готовите?

— Такой у меня расчёт.

— Вы говорили, что пригодны шесть.

— Нашли ещё шесть.

— Уже успели восстановить?

— Нет, нашли те, за которые можно взяться. До готовности ещё далеко.

Рейнар осмотрел ближайшую комнату.

— Кто решил, что можно?

— Мастер Хорвен.

— Хороший мастер.

— Я тоже так решила после того, как он отказался брать деньги за ремонт двух комнат и велел их закрыть.

Рейнар посмотрел на неё.

— Вы умеете признавать, когда чего-то не знаете?

— Когда дело касается гнилого пола, охотно.

— Думал, будете добиваться двенадцати любой ценой.

— Вы знакомы со мной восемь дней, а уже всё решили.

На лестнице он пропустил её вперёд.

— Работа обязывает.

— Решать за человека заранее?

— Пересматривать решение, когда ошибся.

Это был первый ответ Рейнара, который Эстелия не смогла немедленно обратить против него.

Она решила не пытаться.

На кухне Марта ругалась с новым помощником из Равенны из-за неправильной разделки мяса.

Рейнар задержался у двери.

— Вы наняли людей.

— Пятерых постоянных и несколько временных.

— На какие деньги?

— На вырубку от той самой обстановки. Я учла жалованье.

— Тогда покажете расчёт.

— Кухня будет обслуживать и гостей, и работников. Отдельной столовой пока не будет.

— Где будут есть гости?

— В малой гостиной рядом с восточной галереей.

— Двенадцать комнат и одна гостиная?

— Если в каждой комнате поселятся двое, будет тесновато. Но пока мне бы набрать первых двенадцать гостей. Потом придётся думать и об этом.

Рейнар ничего не сказал.

Они спустились к нижнему источнику.

Дорожка изменилась больше всего.

С краёв убрали кусты.

Разбитые участки камня заменили деревянным настилом.

Около бассейна появились две длинные скамьи.

Колонны никто не пытался восстанавливать.

Эстелия решила оставить их такими, какими они были.

Полуразрушенными.

Но чистыми.

Бран сначала назвал это кошунством.

Потом увидел, сколько стоит каменная работа, и перестал спорить.

Рейнар проверил край бассейна.

— Перила?

— Завтра установят.

— Свет?

— Поставим фонари вдоль дорожки.

— Ночью источник будет открыт?

— До десяти вечера.

— Почему не позже?

— Дальше нужно ночное дежурство. Пока я его не оплачу, открывать не буду.

— Разумно.

Эстелия повернулась к нему.

— Это была похвала?

— Пока вы всё верно рассчитали.

— Почти похвала. Надо будет запомнить день.

На этот раз он действительно улыбнулся.

Ненадолго.

Но лицо изменилось неожиданно сильно.

Эстелия поймала себя на том, что смотрит дольше, чем требовалось, и сразу переключила внимание на бассейн.

Не хватало ещё заинтересоваться королевским ревизором через неделю после развода.

Это было бы не романтично.

Это было бы глупо.

— Когда открытие? — спросил Рейнар.

— Через восемь дней.

Он перестал улыбаться.

— Вы уверены насчёт срока?

— Нет. Но дальше откладывать некуда.

— Вы не готовы.

— Вижу каждый день.

— Тогда почему не дадите себе больше времени?

— До комиссии двадцать два дня. Если открыть через восемь, останется время исправить ошибки. Я боюсь пропустить что-нибудь и узнать об этом слишком поздно.

— Только не проверяйте на гостях то, что обязаны проверить сами.

Эстелия резко посмотрела на него.

— Послушайте, я не собираюсь рисковать людьми.
— Но собираетесь заселить людей в дом, где половина помещений ещё ремонтируется.
— Ремонтируемую часть закроем. В рабочих комнатах закончим за три дня до приезда, всё осмотрим. Сомневаемся хоть в одной — она останется пустой. Тут я с вами не торгуюсь.
— А дорога?
— Мы не можем восстановить тридцать миль тракта.
— Но им придётся по этому тракту добираться.
— Поэтому я приглашала людей, которые знают здешние дороги и понимают, куда едут.
— Кому вы написали?
Эстелия задумалась.
Вчера она написала двенадцать писем.
Не старым столичным знакомым.
Приглашать людей, которые знали её герцогиней Марвейр, казалось плохой идеей. Они приедут смотреть не на курорт.
На неё.
На развалины.
На женщину, которую бросил муж.
Ей требовались гости, заинтересованные в самом месте.
— Купцов из Равенны. Владельца лесопилки с семьёй. Семью человека, который снабжает три местных постоянных двора. Ещё несколько людей из соседних городов.
Рейнар нахмурился.
— Никого из столичных знакомых?
— На первое открытие — никого.
— Не хотите их видеть здесь?
— Потому что местные вернутся, если им понравится. И расскажут соседям. А столичная дама может приехать один раз из любопытства и следующие полгода объяснять всем, насколько здесь хуже, чем в её любимом загородном доме.
— Вы довольно невысокого мнения о столичных дамах.
— После пятнадцати лет столичных приёмов могу кое-что предсказать.
Рейнар посмотрел на серебристый пар.
— Цена?
Эстелия назвала.
Он повернул голову.
— Мало.
— На первый месяц я больше не поставлю.
— Вы почти ничего не заработаете.
— Зато комнаты не останутся пустыми.
— А комиссия смотрит на доход.
— Поставить вдвое дороже и ждать в пустом доме? Мне страшнее остаться совсем без гостей.
Рейнар некоторое время молчал.
— Возможно, это сработает.
— Хотелось бы услышать это без «возможно».
— Вы хотите гарантий там, где их нет.
— Хочу. Хотя понимаю, что вы мне их не дадите.
— Тогда вы выбрали неудачное имущество.
Эстелия засмеялась прежде, чем успела решить, хочет ли.
К её собственному удивлению, напряжение последних дней на несколько секунд отступило.

Рейнар посмотрел на неё иначе.

Без привычной оценки.

Это продолжалось недолго.

— Через неделю приеду снова, — сказал он.

— К открытию?

— На следующий день.

— Само открытие пропустите?

— Я хочу увидеть, что останется после первого дня.

— Вы умеете испортить человеку радость заранее.

— Бывало. Зато потом меньше разочарований.

Он развернулся к дорожке.

— Ещё одно.

— Слушаю. Что ещё проверить?

— Не пытайтесь открыть второй источник.

Эстелия насторожилась.

— Мы пока даже дорожку к нему не трогали.

— Пусть так и остаётся.

— Но всё-таки объясните почему.

Рейнар посмотрел на склон, где выше между деревьями скрывались другие бассейны.

— Потому что никто не знает, почему они погасли.

— Бран сказал, что каналы разрушены.

— Это одна из версий.

— Есть другие?

— Есть. Только ни одна пока не подтверждена.

— Что именно подозревают?

— Например, что проблема не в каналах.

Она ждала продолжения.

Рейнар не добавил.

— Герцог Кальдэн, я не понимаю. Вы не хотите рассказывать или не можете?

— Не могу. Мне самому не хватает сведений.

Эстелия приподняла брови.

— Значит, хотя бы иногда вы тоже не знаете, что делать.

Он посмотрел на неё.

— Чаше, чем мне хотелось бы.

И ушёл, оставив её возле бассейна с неприятным ощущением, что последнее слово осталось за ним.

Объявление об открытии «Семи облаков» появилось в Равенне на следующий день.

Эстелия отказалась от пышных формулировок.

Тесса прочитала первый вариант и возмутилась.

— «Двенадцать комнат, горячий источник, домашний ужин и лучший вид на горы в округе». Это всё?

— Я что-то из обещанного упустила?

— Вы бывшая герцогиня.

— Бывшая. И как это относится к комнатам?

— Людям интересно.

— Я продаю комнаты, а не развод.

— Развод продаст комнаты быстрее.

Эстелия посмотрела на неё.

— Кажется, я слишком хорошо тебя выучила торговаться.

— Я двенадцать лет наблюдала, как вы устраиваете приёмы для людей, которые терпеть друг друга не могут, но всё равно приезжают. Это почти то же самое.

— В объявлении не будет ни слова о Кайдене.

— Хорошо, без Кайдена. Хотя народ бы прочитал.

— Тесса.

— Всё, оставим ваше объявление.

Объявления повесили у двух постоянных дворов, на городской площади, возле мастерских и у конторы, куда приезжали торговцы из соседних поселений.

К полудню один лист кто-то сорвал.

К вечеру его место занял новый.

Через два дня поступило первое бронирование.

Не письмо.

Человек приехал сам.

Господин Верден, владелец крупной лесопилки, вошёл в галерею, снял мокрый плащ и с порога спросил:

— Это правда, что вы собираетесь снова открыть бассейн?

— Он никогда не закрывался, — ответил Бран.

Верден посмотрел на него.

— Ты двадцать лет никого туда не пускал.

— Да кто ехал? Желающих не было.

— Вот я и приехал.

Он привёз жену.

Двух дочерей.

Сына.

И сестру жены.

Пять комнат.

Эстелия записала имена.

Когда Верден ушёл, Тесса заглянула в книгу.

— Пять комнат, вы посмотрите.

— Я сама записывала, Тесса.

— Почти половина сразу.

— Не напоминай, а то поверю раньше времени.

— Хоть чуть-чуть порадуетесь?

— Боюсь спугнуть.

Через день забронировали ещё две.

Потом одну.

За три дня до открытия заняты были десять комнат.

Эстелия впервые позволила себе подумать, что всё может получиться.

И именно тогда начала течь крыша над одиннадцатой.

Она обнаружила воду утром.

Капли падали прямо на свежеччищенный пол.

Мастер Хорвен выругался так выразительно, что Нейра вышла из комнаты.

— Почините?

— Починю, если погода даст.

— Сколько вам нужно времени?

— Если дождь прекратится, завтра.

— Открытие послезавтра.

— Тогда молитесь, чтобы дождь прекратился.

Эстелия посмотрела в окно.

Небо было серым.

— Другого способа нет?

— Можно не пускать сюда людей пока.

— Вы об открытии?

— Перенесите его, и никто не будет торопиться под дождём.

— Нет, этого я сейчас не могу.

Хорвен пожал плечами.

— Тогда пока ведро. Крышу по мокрому не раскрою.

Эстелия поставила ведро.

К вечеру дождь прекратился.

На следующий день крышу закрыли.

В полдень сломалась одна из кухонных печей.

Марта объявила, что это конец.

Олдер разобрал заслонку, вычистил старую сажу и через два часа вернул печь к жизни.

В четыре часа приехал поставщик и сообщил, что заказанные продукты будут только утром.

В пять лошадь Брана потеряла подкову.

В шесть Нейра обнаружила, что в одной комнате плохо закрывается окно.

В семь Тесса вошла в кабинет Эстелии, села на стул и произнесла:

— Если завтра никто не приедет, я буду счастлива.

Эстелия отложила перо.

— А если приедут?

— Дайте мне выспаться после их отъезда, и тоже буду счастлива.

Они посмотрели друг на друга.

Потом обе рассмеялись.

Эстелия устала настолько, что смех почти сразу сменился желанием положить голову на стол.

— Сколько у нас денег? — спросила Тесса.

— Если завтра все заплатят — достаточно, чтобы прожить ещё две недели без продажи чего-нибудь крупного.

— А если денег не дождёмся?

— Придётся снова расстроить Брана.

— Что вы ещё у него присмотрели?

— Я присмотрела ещё один шкаф.

Тесса покачала головой.

— Он спрятал ключ от западной галереи.

— Запасной на месте. Я проверила.

— Конечно знаете.

За окном темнело.

Внутренний двор выглядел непривычно чистым. Доски убрали. Куча старого камня исчезла. Возле восточной галереи установили два фонаря.

Не дворец.

Даже не половина дворца.

Маленький остров порядка среди огромного запущенного дома.

Но это было их.

Сделанное за две недели.

— Пойдём, — сказала Эстелия.

— Только не говорите, что опять что-то мыть.

— К источнику. Хочу проверить фонари.

Тесса посмотрела на неё с подозрением.

— Уже ходили. Я вас видела.

— Светло ещё было. Хочу посмотреть, как освещают камень.

— Я не пойду.

— Даже ради прогулки?

— Потому что я с утра проверила двенадцать комнат, пересчитала полотенца, трижды поссорилась с Мартой и один раз с человеком, который утверждал, что кровать можно поставить на кривой пол, если подложить кусок дерева. Я намерена сидеть здесь до тех пор, пока кто-нибудь не принесёт мне ужин.

— Тогда отдыхай. Я ненадолго.

Эстелия пошла одна.

Воздух после дождя стал холоднее.

Фонари вдоль дорожки уже зажгли. Жёлтый свет ложился на влажный камень, и путь к источнику впервые выглядел не заброшенным, а намеренно старым.

Эстелия остановилась.

Именно этого она и хотела.

Не скрывать возраст места.

Не превращать его в новый столичный дом.

Пусть камень остаётся потемневшим.

Пусть колонны стоят надломленными.

Только дорожка должна быть чистой.

Вода — прозрачной.

Скамьи — целыми.

А гость должен чувствовать, что старость этого места является частью его красоты, а не следствием равнодушия хозяев.

Она спустилась ниже.

Серебристый пар висел над бассейном.

Фонари отражались в воде.

Эстелия обошла край, проверила перила, которые установили два дня назад, и присела на скамью.

Завтра приедут люди.

Настоящие гости.

Не комиссия.

Не мастера.

Не торговцы.

Люди, которые заплатят собственные деньги, а потом решат, стоило ли это того.

Вот чего она боялась больше королевского ревизора.

Рейнар обязан был искать нарушения.

Гости не были обязаны искать достоинства.

Им либо понравится, либо нет.

Эстелия посмотрела на дворец.

Из окон восточного крыла пробивался свет.

Двенадцать комнат.

Ещё две недели назад пригодными казались только три.

На секунду ей захотелось, чтобы Кайдэн увидел.

Не её.

Дом.

Увидел бы, что вещь, которую он отдал со смехом, оказалась не совсем бесполезной.

Эстелия раздражённо встала.

Вот ещё.

Она не собиралась превращать «Семь облаков» в длинное письмо бывшему мужу.

Если всё это и должно было кому-то что-то доказать, то прежде всего ей самой.

Она поднялась по дорожке.

У второго сухого бассейна остановилась.

Показалось, что услышала воду.

Эстелия прислушалась.

Ничего.

Наверное, нижний источник. Ночью звук мог распространяться иначе.

Она сделала ещё шаг.

Где-то справа раздался отчётливый плеск.

Эстелия повернулась.

Второй бассейн лежал в темноте.

Фонари до него ещё не ставили.

На дне утром были сухие листья.

Теперь оттуда поднимался пар.

Эстелия не сразу двинулась с места.

Потом спустилась на две ступени.

— Бран!

Ответа не последовало.

— Олдер!

Её голос разнёсся между террасами.

Она подошла ближе.

На дне бассейна действительно была вода.

Сначала совсем немного.

Тонкий слой закрывал камень, собираясь в углублении у центра.

Из узкой трещины между плитами медленно пробивалась новая струя.

Она не была серебристой.

Пар над ней казался тёплым золотистым в свете далёких фонарей.

Эстелия присела, не касаясь воды.

За спиной послышались быстрые шаги.

Первым прибежал Олдер.

За ним Бран, уже без верхнего плаща.

— Что случилось?

Эстелия молча указала вниз.

Бран остановился.

На его лице не осталось ни раздражения, ни усталости.

Он спустился к бассейну.

— Этого не может быть.

— Бран... Вы же видите воду. Я тоже вижу.

Бран не ответил.

Он подошёл к самому краю, присел и долго смотрел на струю.

Олдер стоял рядом с Эстелией.

— Отец рассказывал, что второй был тёплым.

— Отец про этот бассейн говорил?

— Думаю, да. Сам-то я только сухой его помню.

Струя стала сильнее.

Листья на дне дрогнули и медленно поплыли к краю.

Из трещин между камнями потянулись ещё несколько тонких ручьёв.

Бран вдруг снял шапку.

— Давно вы в последний раз видели его полным? — спросила Эстелия.

Он всё ещё смотрел на воду.

— Я пришёл сюда мальчишкой. Мне было шестнадцать. Второй уже не работал.

— Сколько же лет прошло... Вам сейчас сколько?

— Пятьдесят восемь.

Эстелия больше ничего не спросила.

Сорок два года.

Источник молчал не меньше сорока двух лет.

И проснулся в ночь перед первым открытием «Семи облаков».

Вода медленно поднималась по каменному дну.

Над бассейном густел золотистый пар.

Бран повернулся к ней.

— Что вы сделали?

Эстелия посмотрела на собственные руки, потом на освещённые окна дворца.

— Бран, я даже не знаю, что могла бы сделать.

— После вашего приезда он проснулся.

— Я только ремонт затеяла. Мебель продала, рабочих наняла. С управляющим поссорилась... И вас со скамьями замучила. Ничего с водой я не делала.

Бран не улыбнулся.

— Сорок два года молчал. А тут вы приехали — и пошла вода. Почему?

Эстелия не знала.

И впервые за две недели совсем не хотела немедленно искать разумный ответ.

Она смотрела, как вода заполняет давно пустой бассейн, и вспоминала слова Рейнара.

Не пытайтесь открыть второй источник.

Она не пыталась.

Никто не пытался.

И всё же он открылся сам.

Завтра утром сюда приедут первые гости.

А Рейнар Кальдэн узнает, что за одну ночь в «Семи облаках» стало уже не один, а два живых источника.

Эстелия смотрела на золотистый пар и впервые с момента приезда почувствовала не осторожную надежду, а настоящее, почти детское любопытство.

Если проснулся второй, то что требовалось остальным пяти?

Глава 3. Первые гости «Семи облаков»

К утру второй источник успел наполнить бассейн чуть больше чем наполовину.

Эстелия вышла к нему ещё до завтрака, когда над горами только начинал сереть рассвет. Бран уже был там. Судя по мятому воротнику рубахи и отсутствию привычной аккуратности в седой бороде, спал он этой ночью мало.

Вода поднялась почти до нижней ступени. Она была такой же прозрачной, как в первом бассейне, однако выглядела иначе. На поверхности лежало мягкое золотистое сияние, хотя солнце ещё не показалось из-за хребта. Оно не освещало камни вокруг и не отбрасывало отблесков на лицо Брана, поэтому обычным светом это назвать было трудно.

Эстелия остановилась рядом.

— Вы всю ночь сюда ходили?

Бран не стал отрицать.

— Три раза выходил. Всё думал: вдруг опять уйдёт вода.

— А спали?

— Урывками. Не спалось.

— Вы мне к обеду на ходу спать будете.

— Вы тоже здесь до завтрака.

— Тоже не вытерпела. Всё-таки хотелось убедиться при свете.

Он посмотрел на неё, и в другое утро, вероятно, усмехнулся бы. Сегодня не стал.

Второй источник тревожил его всерьёз.

— Вода прибывала всю ночь, — сказал он. — Сначала быстро, потом медленнее. Сейчас уровень почти не меняется.

— Тёплая?

— Теплее первого.

— Близко подходили? Чем проверяли?

— Рукой у края. Дальше не лез.

Эстелия кивнула. Ничего необычного в этом не было: воду первого бассейна они тоже проверяли на ощупь, когда приводили в порядок дорожку. И всё же она не стала касаться нового источника.

Не из страха.

Из осторожности.

Рейнар предупреждал не пытаться его открывать. Он открылся сам, но это ещё не означало, что в него следует немедленно отправлять гостей.

— Сегодня его закрываем, — решила она.

Бран резко повернулся.

— Только проснулся — и опять не пускать?

— Мы же ничего

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.